

Защита профессиональных прав адвокатов в России: проблемы и пути их решения¹

А.О. Куликова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы защиты профессиональных прав адвокатов в Российской Федерации в свете системных нарушений правоохранителей и декларативности гарантий. На основе анализа законодательства, корпоративных механизмов и конституционно-судебной практики определено предметное поле: понятие, система прав, а также уголовно-процессуальные и конституционные гарантии. Результаты свидетельствуют о неэффективности действующего механизма защиты. Сделан вывод о необходимости комплексного реформирования, включающего создание фондов солидарной помощи, страхование профессиональных рисков, введение госпрограммы защиты адвокатов и цифровизацию.

***Ключевые слова:** адвокат, профессиональные права, защита профессиональных прав адвокатов, адвокатская тайна, независимость адвокатуры, адвокатский иммунитет.*

Актуальность темы продиктована ключевой ролью адвокатуры в правовом государстве, ведь именно этот институт призван гарантировать конституционное право на квалифицированную юридическую помощь. В последние годы фиксируется устойчивый рост нарушений профессиональных прав адвокатов, что подтверждается статистикой обращений в органы адвокатского самоуправления. Однако, наряду с этим существует и другая проблема: многие адвокаты предпочитают не уведомлять адвокатские палаты о допущенных в отношении них противоправных действиях, что, по сути, способствует закреплению негативных практик и снижает эффективность имеющихся корпоративных механизмов.

Степень научной проработанности вопроса достаточно высока. Разработке данной темы посвящены труды Ю.Ф. Лубшева, А.Г. Кучерены, К.С. Чердынцевой. В значительной степени уяснению обозначенной проблематики способствуют обобщения правоприменительной практики Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ).

¹ Статья опубликована по итогам II Международного конкурса студенческих научных работ памяти профессора П.А. Кучеренко «Институт адвокатуры и его роль в современном правовом государстве». Конкурс проводится РУДН им. П. Лумумбы, юридический факультет ТвГУ выступает соорганизатором Конкурса (приказ № 4-р от 13.01.2026 г.).

Цель настоящего исследования – выявить системные дефекты в механизме обеспечения профессиональных прав адвокатов и предложить практические способы устранения указанных дефектов с учетом эволюции корпоративного регулирования, доктринальных идей и международных ориентиров.

Адвокат в Российской Федерации – это особый участник правоотношений. Его деятельность напрямую связана с реализацией конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, что предопределяет наличие специальных гарантий: независимости, адвокатской тайны, неприкосновенности. Эти гарантии закреплены как в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), так и в отраслевом законодательстве.

Под профессиональными правами адвоката обычно понимают те правовые возможности, которые предусмотрены законом и иными нормативными актами и которые реализуются адвокатом в интересах доверителей. В Положении о порядке рассмотрения обращений по вопросам защиты профессиональных прав адвокатов (утв. Решением Совета ФПА РФ от 18.06.2024 г., протокол № 14 (далее – Положение 2024 г.)) справедливо подчеркивается, что данные права представляют собой комплекс полномочий, позволяющих адвокату оказывать квалифицированную юридическую помощь. Применяя комплексное толкование норм ст. 2, 48 Конституции РФ, ст. 2, 6 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) и Положения 2024 г., можно выделить несколько основных прав, которые на практике чаще всего подвергаются умалению:

- право на независимость и самостоятельность;
- право на свободу выражения мнения и убеждений;
- право на получение необходимой информации (включая право на направление адвокатского запроса);
- право на обеспечение адвокатской тайны;
- право на вознаграждение;
- право на личную неприкосновенность в связи с профессией [1, 4, 6].

Реализация этих прав невозможна без принятия государством мер по обеспечению независимости адвокатуры. Такой вывод следует из системного толкования конституционных норм (прежде всего, положений ст. 2, 48 Конституции РФ). Однако на практике нередко возникает противоречие между публично-правовыми интересами (раскрытие преступлений, обеспечение предварительного расследования) и частноправовым статусом адвоката. Объективным выражением данного противоречия являются попытки получения доступа к адвокатской тайне со стороны органов публичной власти (например, органов предварительного расследования), допроса адвоката

в качестве свидетеля, производства у адвоката обыска или иного рода вмешательства в его профессиональную деятельность.

Нормативное регулирование профессиональных прав адвокатов осуществляется как на уровне актов федерального законодательства, так и в формате корпоративного нормотворчества. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ) как институциональный орган адвокатского самоуправления вправе принимать локальные акты, определяющие организационные основы адвокатской деятельности и механизмы реализации права на защиту. В рамках этих полномочий ФПА РФ устанавливает систему и процедуру рассмотрения обращений, связанных с нарушением профессиональных прав.

Сравнение Положения 2024 г. и Порядка осуществления защиты профессиональных прав адвокатов (утв. Решением Совета ФПА РФ 22.03.2021 г., протокол № 22 (далее – Порядок)) показывает как менялись институциональные подходы представителей адвокатского сообщества к обеспечению незыблемости их правового статуса. В рамках Порядка закреплялась достаточно простая модель: адвокат направлял обращение в Комиссию по защите профессиональных прав адвокатов адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации, затем по итогам заседания комиссии решение принимали Президент и Совет региональной палаты [7]. ФПА РФ играла преимущественно методическую роль и подключалась лишь в исключительных случаях.

Положение 2024 г. существенно расширило полномочия как региональных структур, так и ФПА РФ. Была введена многоуровневая система защиты, которая предполагает последовательное прохождение этапов: самозащита адвоката, обращение в региональную комиссию, рассмотрение Советом региональной палаты и при необходимости передача дела в Комиссию ФПА РФ. В документе также закреплены критерии для передачи дела на федеральный уровень: исчерпание региональных средств защиты, массовый характер нарушений, отказ адвокату в защитных мерах на региональном уровне либо объективные препятствия для обращения в региональную палату [6].

Особого внимания заслуживает п. 20 Положения 2024 г., где нормативно закреплён приоритет интересов адвокатского сообщества перед позицией отдельного адвоката. Это свидетельствует об институциональной трансформации: смещении акцента с индивидуально-правовой защиты на обеспечение целостности сообщества как единого субъекта.

Практика рассмотрения обращений в Комиссию по защите профессиональных прав адвокатов Совета Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга (далее – КЗППА), отражённая в обзоре за 2024 г., подтверждает этот вектор. Основанием для реагирования признаются факты нарушения интересов сообщества даже при отсутствии

формального нарушения прав конкретного адвоката. К примеру, публичная критика адвокатом действий другого адвоката, осуществлявшего защиту профессиональных прав, была квалифицирована как нарушение принципа корпоративности и умаление авторитета адвоката, что повлекло применение мер корпоративного воздействия.

Для раскрытия сущности данной проблемы представляется необходимым обращение к ряду примеров. Так, в современных условиях производство обыска в жилых и служебных помещениях, занимаемых адвокатом, из исключительной меры трансформируется в стандартную процедуру. Как справедливо отмечалось в ходе обучающего мероприятия для членов комиссий по защите профессиональных прав адвокатов, организованного ФПА РФ 14.11.2025 г., подобная практика несет в себе прямую угрозу сохранности адвокатской тайны, поскольку создает риск раскрытия сведений о доверителях, не имеющих никакого отношения к расследуемому событию. Кроме того, участники мероприятия подчеркнули, что обыск у адвоката нередко используется как инструмент психологического давления не только на конкретного защитника, но и на все адвокатское сообщество, что противоречит принципу независимости адвокатуры, закрепленному в ст. 18 Закона об адвокатуре [9].

Действенным механизмом сдерживания произвола, на наш взгляд, могло бы стать обязательное участие представителя адвокатской палаты при производстве обыска, а также внедрение четкого пошагового алгоритма действий для таких представителей – это позволило бы минимизировать нарушения, связанные с изъятием предметов, составляющих адвокатскую тайну.

Еще один распространенный способ давления – вызов адвоката на допрос в качестве свидетеля [8]. Даже если защитник отказывается от дачи показаний, сам факт составления протокола допроса впоследствии используется для заявления отвода. При этом адвокат не должен являться на допрос без судебного решения, поскольку выяснение обстоятельств, ставших известными в связи с оказанием юридической помощи, допускается только на основании судебного акта.

В Обзоре практики рассмотрения обращений КЗППА Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга за 2024 г. (далее – Обзор) описана ситуация, когда сотрудник полиции потребовал от адвоката сдать мобильный телефон как условие допуска к доверителю. Комиссия признала такое требование не основанным на федеральном законе, указав, что адвокат вправе использовать телефон и иные технические средства для фиксации информации и оказания помощи (подп. 6 п. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, ст. 53 УПК РФ) [2]. При этом ссылки на «секретный приказ» или внутриведомственные правила со стороны сотрудников правоохранительных органов неправомерны, поскольку

ограничения прав возможны исключительно федеральным законом и только в конституционно значимых целях (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Данный вывод согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), изложенной в его Постановлении от 26.05.2022 г. № 21-П [5] и подтверждающей верховенство закона над ведомственными актами.

В том же Обзоре зафиксирована проблема неполноты или неясности ответа на адвокатский запрос. Формальный ответ, не содержащий запрошенных сведений, копий документов либо мотивированного отказа в их предоставлении, признается неправомерным отказом. В таких случаях комиссия ориентирует на обращение в вышестоящий орган либо в суд, а также на необходимость привлечения виновного должностного лица к дисциплинарной ответственности.

Все эти проблемы не только подрывают гарантии адвокатской деятельности, но и ставят под сомнение соблюдение конституционных прав граждан на квалифицированную юридическую помощь. Перечисленные нарушения носят не единичный, а системный характер, что требует не только их надлежащей фиксации в решениях комиссий адвокатских палат, но и последовательного внедрения выработанных механизмов защиты: от судебного санкционирования процессуальных действий в отношении адвоката до неукоснительного соблюдения принципа верховенства закона.

В сфере уголовной юстиции обращает на себя внимание следующее обстоятельство. В правоприменительной практике имеют место случаи применения к адвокату процессуальных мер, формально не связанных с привлечением к уголовной ответственности, но способных существенно ограничить профессиональную независимость адвоката. К их числу относятся вызов на допрос с последующим отводом, а также попытки привлечения к ответственности за разглашение данных предварительного расследования [8].

По нашему мнению, проблема кроется не столько в отсутствии правовых гарантий, сколько в их декларативном характере. Особый порядок, предусмотренный ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), призван обеспечить дополнительную защиту адвоката от необоснованного уголовного преследования, однако на практике данная цель не всегда может быть достигнута. Судебное санкционирование нередко превращается в формальную процедуру, не препятствующую инициированию необоснованного преследования. В связи с этим заслуживает поддержки подход, закрепленный в Положении 2024 г., где акцент переносится на превентивный контроль со стороны органов адвокатского самоуправления. Предусмотренная в нем необходимость своевременного информирования адвокатских палат о любых процессуальных действиях в отношении адвоката позволяет создать дополнительный

корпоративный фильтр, способный восполнить недостатки судебной процедуры и обеспечить реальное соблюдение профессиональных гарантий.

В научной литературе и практике адвокатского самоуправления немало внимания уделяется процессуальным механизмам защиты, при этом важно различать способы обжалования в зависимости от отрасли процессуального права и статуса лица, подающего жалобу. В статье А.А. Гривцова «Отвод адвоката как способ нарушения его профессиональных прав» содержатся рекомендации по обжалованию решений об отводе применительно к уголовному судопроизводству. Данный автор предлагает обжаловать постановление следователя об отводе адвоката как в порядке ст. 124 УПК РФ (руководителю следственного органа и (или) прокурору), так и в судебном порядке по правилам ст. 125 УПК РФ. При этом обращается внимание на тактический аспект: жалобу целесообразнее подавать от имени доверителя или через другого адвоката, поскольку суды не всегда признают нарушение прав непосредственно адвоката, но зачастую реагируют на нарушение конституционного права доверителя на квалифицированную юридическую помощь [8]. Данный подход, как представляется, отражает объективную сложность судебной защиты процессуального статуса адвоката как самостоятельного участника уголовного судопроизводства и одновременно подтверждает тезис о том, что эффективное восстановление профессиональных прав нередко требует использования процессуальных возможностей, связанных с защитой интересов доверителя.

Иной подход прослеживается в сфере гражданского судопроизводства, где адвокат выступает в качестве представителя. В Обзоре приведен показательный пример: суд отказал в принятии частной жалобы, поданной адвокатом-представителем, действующим на основании ордера. Комиссия разъяснила, что право на обжалование судебных актов в гражданском процессе должно быть специально оговорено в доверенности, выданной доверителем (ст. 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)), тогда как ордер удостоверяет лишь полномочия на ведение дела в суде, но не включает в себя право на самостоятельное апелляционное (частное) обжалование, если иное прямо не предусмотрено соглашением и доверенностью [3]. В связи с этим Комиссией сделан вывод об отсутствии нарушения профессиональных прав адвоката в данной ситуации.

Сопоставление приведенных позиций позволяет заключить, что успешность судебной защиты профессиональных прав адвоката напрямую зависит от правильного выбора процессуальной формы обжалования и надлежащего оформления полномочий. Если законодательство об уголовном судопроизводстве предусматривает

более гибкие механизмы реагирования на нарушения прав адвоката (в том числе через защиту прав доверителя), то в гражданском судопроизводстве строгость формальных требований к объему полномочий представителя требует от адвоката особой осмотрительности.

Отправной точкой для формирования правовых позиций в рассматриваемой сфере выступает Постановление Конституционного Суда РФ № 21-П, на которое Комиссия по защите профессиональных прав адвокатов обоснованно опиралась при рассмотрении дела о предъявлении адвокату требования сдать телефон. Данное судебное решение содержит важное толкование нормативных положений, имеющих гарантийный характер в части обеспечения сохранности адвокатской тайны и недопустимости вмешательства в профессиональную деятельность адвоката. Вместе с тем, как видится, опора исключительно на национальное конституционное законодательство недостаточна: для полноценной защиты адвокатской независимости необходимо активное использование международных стандартов, в частности, принципов, сформулированных в документах Совета Европы и Международной ассоциации юристов, которые устанавливают более высокий уровень гарантий невмешательства в адвокатскую деятельность.

В этом контексте особый интерес вызывают предложения К.С. Чердынцевой. Данный автор обосновывает необходимость создания фондов солидарной помощи для адвокатов, пострадавших от преследований, включая компенсацию утраченного заработка и покрытие расходов на юридическую защиту [10, с. 40]. По нашему мнению, сам факт появления таких предложений свидетельствует о недостаточной эффективности существующего механизма компенсации, который не позволяет адвокату в полной мере восстановить имущественные и профессиональные потери, возникшие в результате необоснованного уголовного преследования или процессуального давления. Развивая эту мысль, следует отметить, что система солидарной ответственности профессионального сообщества способна выполнять не только компенсационную, но и превентивную функцию, демонстрируя государственным органам невыгодность избирательного применения репрессивных мер в отношении отдельных адвокатов. Дополнительным инструментом, на который указывает К.С. Чердынцева, выступает корпоративное страхование профессиональных рисков, позволяющее диверсифицировать источники возмещения вреда и снизить зависимость защитника от исхода индивидуального судебного разбирательства [10, с. 40].

Важно подчеркнуть, что функционирование описанных выше механизмов сугубо на национальном уровне, с нашей точки зрения, нуждается в международно-правовом гарантировании. Как справедливо

отмечает К.С. Чердынцева, необходимо развитие международного сотрудничества адвокатских объединений для перенимания опыта и получения поддержки [10, с. 40]. Данный тезис корреспондирует с Положением 2024 г., в котором сделан акцент на том, что защита профессиональных прав должна соответствовать международным стандартам. По нашему мнению, речь идет не о механическом заимствовании иностранных моделей, а о выработке универсальных критериев независимости адвокатуры, которые признаются в международной практике и могут служить ориентиром для национального правоприменения.

Логическим завершением рассматриваемой системы гарантий выступает постановка вопроса об «адвокатском иммунитете» и необходимости его закрепления в российском законодательстве. Как указывает К.С. Чердынцева, гарантии независимости адвокатов должны быть четкими и не допускать произвольного толкования, что полностью соответствует международным подходам [10, с. 41]. Развивая данное положение, можно заключить, что институт адвокатского иммунитета не должен сводиться лишь к процессуальным изъятиям (особый порядок возбуждения уголовного дела, запрет на допрос об обстоятельствах, ставших известными в связи с оказанием юридической помощи). Его содержательное наполнение предполагает формирование комплексного режима защиты, включающего:

- презумпцию добросовестности адвоката при выполнении профессиональных обязанностей;
- недопустимость использования процессуальных мер (обысков, выемок, допросов) для получения сведений, составляющих адвокатскую тайну;
- эффективные средства обжалования любых действий, попирающих статус адвоката, с возможностью приостановления их исполнения.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная система защиты профессиональных прав адвокатов в России находится в стадии формирования, сочетая конституционно-судебные ориентиры, корпоративные механизмы солидарной ответственности и страхования, а также обращение к международным стандартам. Дальнейшее развитие института адвокатского иммунитета должно идти по пути нормативной конкретизации и устранения правовых пробелов, что позволит обеспечить реальную, а не декларативную независимость адвокатуры как необходимого элемента правового государства.

Как в доктринальных источниках, так и в общих выводах Положения 2024 г. обоснованно акцентируется необходимость внесения изменений в УПК РФ, направленных на установление особого порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката. По нашему

мнению, ключевым элементом таких изменений должно стать введение специализированного судебного контроля, который позволит обеспечить дополнительные гарантии сохранения адвокатской тайны, исключив возможность несанкционированного доступа правоохранительных органов к сведениям, составляющим профессиональную тайну защитника. При этом важен переход от декларативного запрета к созданию процессуального механизма, позволяющего суду на стадии санкционирования оценивать не только формальные основания проведения оперативно-розыскных мероприятий, но и их соразмерность с учетом особого правового статуса адвоката.

К.С. Чердынцевой предложена концептуальная система требований к нормотворчеству в рассматриваемой сфере, которая, на наш взгляд, заслуживает поддержки и развития. К числу таких требований относятся:

1) терминологическая определенность – использование устоявшихся понятий, апробированных, в частности, в законодательстве о защите судей, что позволит избежать разночтений при применении гарантий;

2) комплексность – отражение гарантий независимости адвоката не только в профильном Законе об адвокатуре, но и в отраслевом законодательстве (УПК РФ, ГПК РФ и других законах), создание единого межотраслевого правового режима;

3) четкость формулировок – исключение размытых и оценочных понятий, которые в правоприменительной практике нередко интерпретируются в ущерб профессиональным интересам адвоката;

4) обеспечение реализуемости – новые нормы должны содержать механизм практической реализации, а не оставаться декларативными [10, с. 41].

В качестве образца применения такого подхода приводится возможная редакция изменений в ст. 18 Закона об адвокатуре, конкретизирующая запрет на вмешательство и устанавливающая обязанность государства по защите адвоката и членов его семьи [10, с. 41]. Подобная конкретизация, на наш взгляд, должна быть дополнена указанием на юридические последствия нарушения данного запрета, включая возможность привлечения виновных лиц к ответственности и право адвоката на компенсацию причиненного вреда.

Анализ содержания приведенных в пример позиций из Обзора свидетельствует о том, что функции комиссий по защите профессиональных прав адвокатов не ограничиваются выдачей заключений. Комиссии дают разъяснения, а также принимают иные меры в интересах корпорации. Это свидетельствует о формировании публично-корпоративного элемента в механизме защиты. Вместе с тем представляется обоснованным предложение о расширении полномочий комиссий, вплоть до наделения их правом прямого обращения в суд и правоохранительные органы с требованиями о пресечении нарушений. Такая мера позволила бы трансформировать корпоративный контроль из

реактивного в превентивный институт. Дополнительно следует усилить дисциплинарную практику, которая, поддерживая авторитет корпорации, одновременно служит сдерживающим фактором для недобросовестного поведения как внутри адвокатского сообщества, так и со стороны внешних участников правоотношений.

В доктрине справедливо указывается на недостаточность правового регулирования вопроса об использовании адвокатами технических средств для фиксации информации, что порождает конфликтные ситуации при проведении следственных действий. Как видится, разрешение этого вопроса лежит в плоскости не только нормативного закрепления права адвоката на аудио- и видеозапись, но и внедрения единых стандартов взаимодействия. Цифровизация взаимоотношений адвокатуры с государственными органами (включая переход на защищенные каналы связи и электронный документооборот) способна нивелировать административные барьеры, обеспечить прозрачность и фиксируемость действий каждой из сторон, что в долгосрочной перспективе уменьшит количество конфликтов, связанных с несвоевременным рассмотрением адвокатских запросов либо необоснованными отказами в допуске к доверителю.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что существующий механизм защиты профессиональных прав адвокатов в значительной степени сохраняет декларативный характер. Принятие Положения 2024 г., безусловно, усилило корпоративную солидарность, ввело обязанность адвоката по самозащите и расширило понятийный аппарат. Однако практика правоприменения по-прежнему содержит примеры нарушений профессиональных прав адвокатов. Речь идет о незаконных обысках, отказах в допуске к доверителю, необоснованных отводах, игнорировании адвокатских запросов, а также действиях, создающих угрозу сохранности адвокатской тайны. Эти факты свидетельствуют о том, что точечные изменения, даже если они носят концептуальный характер, не способны устранить системные проблемы без комплексного подхода.

В связи с изложенным представляется необходимым реализовать следующие направления реформ:

1. Законодательное совершенствование – конкретизация гарантий независимости адвоката, усиление ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности, внесение изменений в нормативно-правовые акты отраслевого уровня для обеспечения единого подхода.

2. Реформирование корпоративных институтов – расширение полномочий комиссий по защите профессиональных прав адвокатов, создание фондов солидарной помощи и внедрение системы корпоративного страхования профессиональных рисков.

3. Государственная программа защиты адвокатов – разработка и принятие на федеральном уровне программы, включающей меры по обеспечению личной безопасности адвоката и компенсации ущерба, причиненного в связи с осуществлением профессиональной деятельности.

4. Правовое просвещение и повышение уровня правовой культуры – системная работа, направленная на формирование уважительного отношения к адвокатуре как среди сотрудников правоохранительных органов, так и в обществе в целом.

5. Цифровизация взаимодействия – внедрение защищенных каналов связи и электронного документооборота для направления адвокатских запросов и предоставления ответов на них, а также законодательное закрепление права адвоката на использование технических средств фиксации информации при проведении следственных и иных процессуальных действий.

Защита профессиональных прав адвокатов представляет собой комплексную проблему, решение которой требует консолидированных усилий законодателя, правоприменителя и адвокатского сообщества в целом. Ее успешное разрешение будет способствовать не только укреплению института адвокатуры, но и повышению качества правосудия, что в конечном счете соответствует интересам всего общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025 г., с изм. от 22.12.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2026 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности пункта 12 статьи 25 Федерального закона "О безопасности дорожного движения" в связи с жалобой гражданина Шахова Сергея Владимировича» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Положение «О порядке осуществления защиты профессиональных прав адвокатов» (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 18.06.2024 г., протокол № 14) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Порядок осуществления защиты профессиональных прав адвокатов (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 22.03.2021 г., протокол № 22) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Гривцов А.А. Отвод адвоката как способ нарушения его профессиональных прав [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/9/26/otvod_advokata_kak_sposob_narusheniya_ego_professionalnyh_prav (дата обращения: 10.03.2026).

9. О ходе второго дня обучающего мероприятия для членов комиссий по защите профессиональных прав адвокатов // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/dany-prakticheskie-rekomendatsii-po-zashchite-prav-advokатов-v-razlichnykh-situatsiyakh/> (дата обращения: 14.03.2026).

10. Чердынцева К.С. Защита профессиональных прав адвокатов в России: теория, практика, перспективы // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 37–43.

Об авторе:

КУЛИКОВА Анна Олеговна – студентка юридического факультета, 2 курс бакалавриата направления подготовки «Юриспруденция» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: AO.Kulikova@yandex.ru

Protecting the professional rights of lawyers in Russia: problems and solutions

A.O. Kulikova

Tver State University, Tver

This article examines the protection of lawyers' professional rights in the Russian Federation. The topic is relevant given the growing number of violations in the exercise of lawyers' professional rights. The research focuses on the concept and system of lawyers' professional rights, the evolution of corporate mechanisms for their protection, systemic violations by law enforcement agencies, and the criminal procedural and constitutional-judicial guarantees of lawyers' legal status. It concludes that the existing protection mechanism is merely declaratory, necessitating legislative improvement, expanded powers for corporate commissions, the creation of solidarity funds, professional risk insurance, the introduction of a state program to protect lawyers, and the digitalization of their interactions.

Keywords: *advocate (attorney), professional rights, protection of advocates' professional rights, attorney-client privilege, independence of the legal profession, advocate immunity.*

About author:

KULIKOVA Anna – 2nd-year Bachelor's degree student in the field of "Jurisprudence" at the Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: AO.Kulikova@yandex.ru

Куликова А.О. Защита профессиональных прав адвокатов в России: проблемы и пути их решения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 3 (87). С. 258–269.

Статья поступила в редакцию 22.06.2026 г.

Подписана в печать 10.09.2026 г.